

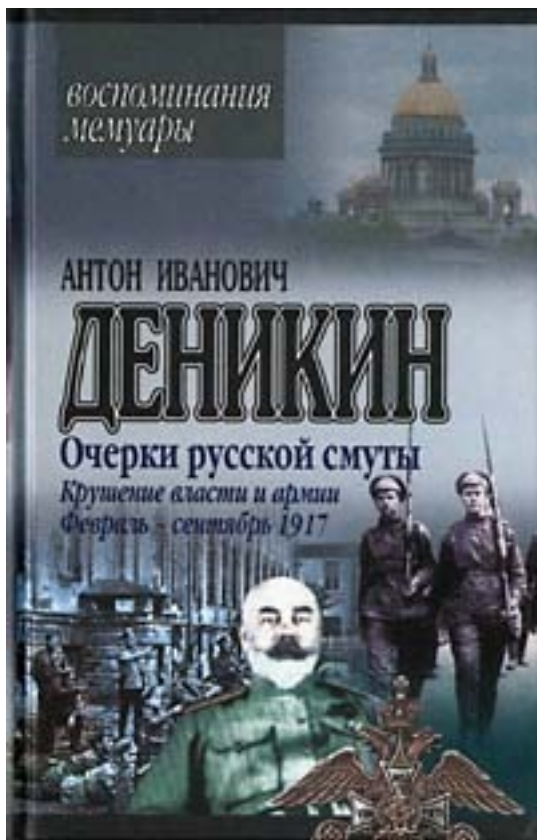
воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Крушение власти и армии
Февраль - сентябрь 1917

Антон Иванович Деникин
Очерки русской смуты.
Крушение власти и армии.
(Февраль – сентябрь 1917 г.)
Серия «Очерки русской смуты», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175784

Аннотация

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872–1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения. В данной книге автор рассказывает о событиях, происходивших в России в феврале – сентябре 1917 года: предреволюционная смута, военные реформы Временного правительства, потеря армией управления и, как следствие, – ее развал. Для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	6
Глава II	31
Глава III	52
Глава IV	64
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Том первый

Крушение власти и армии

Февраль-сентябрь 1917

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке – без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о *русской армии*, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель – должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной рабо-

той в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним, с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

А. Деникин

Брюссель.

1921 г.

Глава I

Устои старой власти: вера, царь и отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог манчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «рес-

публик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта – с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от 3-летней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях – распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров – некогда надменных и бесстрастных.

– Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы – собственными руками...

– Нет, не мы – наше правительство – отвечали они.

Зимою 1918 года я, как командующий Добровольческой

армией, получил предложение от группы германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота – было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами, изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции? Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле:

– За веру, царя и отечество.

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу 20 столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении –

народ поистине христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все – и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов – имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны моральное огрубение и ожесточение, с

другой – как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно несколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для религиозного экстаза. Но, вместе с тем, духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось.¹

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-ой стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрас-

---

¹ Съезды духовенства в Ставке и в штабах армий не имели никакого реального значения.

судок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для...

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

В общероссийском масштабе православное духовенство также осталось за бортом разбушевавшейся жизни, разделив участь с теми социальными классами, к которым примыкало: высшее – причастное, к сожалению, некоторыми именами (митрополиты Питирим и Макарий, архиепископ Варнава и др.) к распутинскому периоду петроградской истории – с правившей бюрократией; низшее – со средней русской интеллигенцией.

Для успокоения религиозной совести русского народа Святейший Синод впоследствии посланием от 9 марта санкционировал совершившийся переворот и призвал _довериться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни... Но когда жизнь эта стала принимать донельзя уродливые,

аморальные формы, духовенство оказалось совершенно бессильным для борьбы: русская революция в первой стадии своей не создала ни одного сколько-нибудь заметного народно-религиозного движения, хотя бы в таком масштабе, как некогда у лжеучителей Иллиодора и Иннокентия, не выдвинула ни одного яркого имени поборника поруганной правды и христианской морали. Я не берусь судить о действительном начале в русской православной церкви после пленения ее большевиками. Жизнь церкви в советской России покрыта пока непроницаемой для нас завесой. Но процесс духовного возрождения ширится несомненно, а мученический подвиг сотен, тысяч служителей церкви, по-видимому, бороздит уснувшую народную совесть и входит в сознание народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство командного состава было совершенно лояльно по отношению к идее монархизма, и к личности государя. Позднейшие эволюции старших военачальников-монархистов вызывались чаще карьерными соображениями, малодушием или желанием, надев «личину», удержаться у власти для проведения своих планов. Реже – крушением идеалов, переменной мировоззрения или мотивами государственной целесо-

образности. Наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет «социалист и республиканец». Он – воспитанный в традициях старой гвардии, близкий к придворным кругам, проникнутый насквозь их мировоззрением, «барин» – по привычкам, вкусам, симпатиям и окружению. Нельзя всю долгую жизнь так лгать себе и другим.

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно.

Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус почему-то был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, весь трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно, а производить свое, хотя бы негласное, расследование не разрешалось. Мне лично пришлось вести длительную борьбу с киевским штабом по поводу маленьких назначений (командира роты и начальника пулеметной команды) двух офицеров 17-го Архангелогородского полка, которым я командовал до последней войны. Явная несправедливость их обхода легла бы тяжелым бременем на совесть и авторитет командира полка, а объяснить ее не представлялось возможным. С большим трудом удалось отстоять этих офицеров, и впоследствии оба они пали славною смертью в бою. Эта система сыска создавала нездоровую

атмосферу в армии.

Не ограничиваясь этим, Сухомлинов создал еще свою сеть шпионажа (контрразведки), возглавлявшуюся неофициально казненным впоследствии за шпионаж в пользу Германии полковником Мясоедовым. В каждом штабе округа учрежден был орган, во главе которого стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности его официально определялся борьбой с иностранным шпионажем – цель весьма полезная; неофициально – это было типичное воспроизведение аракчеевских «профостов». Покойный Духонин до войны, будучи еще начальником разведывательного отделения киевского штаба, горько жаловался мне на тяжелую атмосферу, внесенную в штабную службу новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру, фактически держал под подозрением и следил не только за штабом, но и за своими начальниками.

Действительно, жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или другой форме против «существующего строя». Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства – подполковничий чин и болезненная, полуголодная старость. Офицерский корпус с половины 19 века совершенно утратил свой сословно-кастовый характер. Со времени введения общеобязательной воинской

повинности и обнищания дворянства, военные училища широко распахнули свои двери для «разночинцев» и юношей, вышедших из народа, окончивших гражданские учебные заведения. Таких в армии было большинство. Мобилизации в свою очередь влили в офицерский состав большое число лиц свободных профессий, принесших с собою новое миро-созерцание. Наконец, громадная убыль кадрового офицерства заставила командование поступиться несколько требованиями военного воспитания и образования, введя широкое производство в офицеры солдат, как за боевые отличия, так и путем проведения их через школы прапорщиков с низким образовательным цензом.

Последние два обстоятельства, неизбежно присущие народным армиям, вызвали два явления: понизили, несомненно, боевую ценность офицерского корпуса и внесли некоторую дифференциацию в его политический облик, приблизив еще более к средней массе русской интеллигенции и *демократии*. Этого не поняли или, вернее, не хотели понять вожди революционной *демократии* в дни революции.

Везде в дальнейшем изложении я противопоставляю «революционную демократию» – конгломерат социалистических партий – истинной русской демократии, к составу которой, без сомнения, принадлежит средняя интеллигенция и служилый элемент.

Но и кадровое офицерство постепенно изменяло свой облик. Японская война, вскрывшая глубокие болезни, ко-

торыми страдала страна и армия, Государственная Дума и несколько более свободная после 1905 года печать сыграли особенно серьезную роль в политическом воспитании офицерства. Мистическое «обожание» монарха начало постепенно меркнуть. Среди младшего генералитета и офицерства появлялось все больше людей, умевших различать идею монархизма от личностей, счастье родины – от формы правления. Среди широких кругов офицерства явился анализ, критика, иногда суровое осуждение. Появились слухи – и не совсем безосновательные – о тайных офицерских организациях. Правда, подобные организации, как чуждые всей структуре армии, не имели и не могли приобрести ни особого влияния, ни значения. Однако, они сильно беспокоили военное министерство, и Сухомлинов, в 1908 или в 1909 году, секретно сообщал начальникам о необходимости принятия мер против тайного общества, образовавшегося из офицеров, недовольных медленным и бессистемным ходом реорганизации армии и желавших, якобы, насильственными мерами ускорить ее...

Настроения в офицерском корпусе, вызванные многообразными причинами, не прошли мимо сознания высшей военной власти. В 1907 году вопросы об улучшении боевой подготовки армии и удовлетворении насущных ее потребностей, в том числе и офицерский вопрос, обсуждались в «Особой подготовительной комиссии при Совете государственной обороны», в которую входили, между прочим, такие

крупные генералы старой школы, как Н. И. Иванов, Эверт, Мышлаевский, Газенкампф и др... Интересно их отношение к данному вопросу.²

Генерал Иванов говорил: «Упрекнуть наших офицеров в готовности умереть нельзя, но подготовка их, в общем, слаба, и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается, как обычное явление, что на лицо в роте всего один ротный командир. Старшие начальники мало руководят делом обучения; их роль сводится, по преимуществу, к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры»...

О повальном бегстве из строя «всего наиболее энергичного и способного» говорил и генерал Эверт. А генерал Мышлаевский добавил: «с полным основанием можно сказать, что наши военные училища пополняют не столько войска, сколько пограничную стражу, главные управления и даже в значительной мере гражданские учреждения». Мышлаевский, в качестве начальника Главного штаба, имевшего постоянное соприкосновение с бытом войск, указывал на новые явления: на «недоумение и беспокойство в верхних и средних слоях офицерского состава», вызванное, по его мнению, непопулярностью вновь введенного аттестационного порядка, принудительным увольнением по предельному

---

² Из секретного журнала заседаний.

возрасту и «неопределенностью новых требований»; на пропаганду среди «самого молодого офицерского состава», которая уже «достигла некоторых успехов».

Все они – Иванов, Эверт, Мышлаевский и другие – видели главную, некоторые исключительную причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения – надежнейшее средство разрешения офицерского вопроса. Не отрицая большого значения этого материального фактора, нельзя, однако, ограничиться таким элементарным объяснением перелома в жизни офицерской среды; в его возникновении играли роль и другие причины, более глубокие: и суженные тяжелыми внешними условиями духовные запросы и интересы военной среды, и те обстоятельства, которые, вероятно, впервые в таком высоком собрании умудренных жизнью и опытом военных сановников изложил молодой подполковник генерального штаба, князь Волконский: «Что важно и что неважно, определяют теперь прежде всего соображения политические... Действительно неотложны теперь лишь меры, могущие оградить армию от революционирования... Возможен ли бунт в армии? Пропаганда не прекратилась, а стала умнее. Здесь говорили – „офицеры преданы царю“. Морские офицеры были не менее преданы. Говорят: „морские бунты совпали с разгаром революции“. Но революция может вновь разгореться; аграрный вопрос может поставить армию перед таким искушением, которого не было во фло-

те. Офицерство волнуется. Кроме волнений, оставляющих след в официальных документах, есть течения другого рода: офицеры, преданные присяге, смущены происходящим в армии; иные подозревают верхи армии в тайном желании ее дезорганизовать. Такое недоверие к власти – тоже материал для революционного брожения, но уже справа. Вообще, непрерывное напряжение, травля газет, ответственность за каждую похищенную революционерами винтовку, недостаток офицеров и бедность истрепали нервы, т. е. создали ту почву, на которой вспыхивает революционное брожение, нередко даже наперекор убеждениям»...

При этих условиях можно только удивляться, насколько все-таки сохранилось наше офицерство и насколько твердо противостояло оно левым противогосударственным течениям. Процент деятелей, ушедших в подполье или изобличенных властью, был ничтожен.

Что касается отношения к трону, то, как явление общее, в офицерском корпусе было стремление выделить особу государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страны и к поражению армии. Государю прощали, его старались оправдать. Как увидим ниже, к 1917 году и это отношение в известной части офицерства поколебалось, вызвав то явление, которое князь Волконский называл «революцией справа», но уже на почве чисто политической.

Несколько в стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе – привилегий, тормозивших сильно и без того нелегкое служебное движение армейского офицерства.³ Явная несправедливость такого положения, обоснованного на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была больным местом армейской жизни и вызывала не раз и в военной печати страстную полемику. Я лично неоднократно подымал этот вопрос в печати. Один из военных писателей, полковник Залесский (ныне генерал) – тот даже лекцию о применении в бою технических средств связи заканчивал катоновской формулой:

– Кроме того, полагаю, что необходимо упразднить привилегии гвардии.

Заметьте – только привилегии. Так как никто не посягал на существование старых испытанных частей, многие из которых имели выдающуюся боевую историю.

Замкнутый в кастовых рамках и устаревших традициях корпус офицеров гвардии комплектовался исключительно лицами дворянского сословия, а часть гвардейской кавалерии – и плутократией. Эта замкнутость поставила войска гвардии в очень тяжелое положение во время мировой войны, которая опустошила ее ряды. Страшный неком-

---

³ Быстрое чинопроизводство, перевод в армию высшим чином, несоразмерный процент назначений гвардейцев командирами армейских полков и т. д.

плект в офицерском составе гвардейской пехоты вызвал такое, например, уродливое явление: ряды ее временно пополняли офицерами-добровольцами гвардейской кавалерии, но не допускали армейских пехотных офицеров. Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8 армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, – офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду.

Нет сомнения, что гвардейские офицеры, за редкими исключениями, были монархистами *par excellence* и пронесли свою идею нерушимо через все перевороты, испытания, эволюции, борьбу, падение, большевизм и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они – только члены своей касты, своего класса и разделяют с ним его пороки и достоинства. И если в минувшую войну в гвардейских корпусах было больше крови, чем успеха, то виною этому отнюдь не офицерство, а крайне неудачные назначения старших начальников, проведенные в порядке придворного фаворитизма. Особенно ярко это сказалось на Стоходе. Офицерство же дралось и гибло с высоким мужеством. Но, наряду с доблестью, иногда – рыцарством, – в большинстве своем, в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую

отчужденность и глубокий консерватизм – иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции.

В солдатской толще, вопреки сложившемуся убеждению, идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка «испокон века», внушение церкви – все это создавало определенное отношение к существующему строю, как к чему-то вполне естественному и неизбежному.

В уме и сердце солдата идея монарха, если можно так выразиться, находилась в потенциальном состоянии, то подымаясь иногда до высокой экзальтации при непосредственном общении с царем (смотры, объезды, случайные обращения), то падая до безразличия.

Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии, и для династии. Его легко было поддержать.

Но в Петрограде, в Царском Селе ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступлений. Правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство. Члены Романовской династии не оберегли «идею», которую ортодоксальные монархисты хотели окружить ореолом величия, благородства и поклонения.

Война не изменила обстановки. Создание ненужных, дорого стоивших должностей для лиц императорской фамилии (Верховный санитарный инспектор, инспектор войск гвардии, походный атаман казачьих войск и т. д.), назначение их на строевые должности, на которых без надлежащей подготовки они или приносили вред, или служили игрушкой в руках штабов – все это было хорошо известно армии, комментировалось, осуждалось.

Маленькая деталь: войска чрезвычайно чутко относятся ко всякому проявлению внимания к ним, к признанию их заслуг. Ко мне в дивизию и в корпус четыре раза приезжали великие князья награждать от имени государя георгиевскими крестами. Эти приезды всегда вызывали подъем настроения и кончались полным разочарованием. После славного и тяжелого боя так много у всех накопилось переживаний, так хотелось поделиться своими горестями и радостями, хотелось по крайней мере, чтобы тот, кто приехал награждать, немножко поинтересовался жизнью, бытом, подвигами их... В ответ – полное обидное безразличие: приехал, роздал и уехал, как будто исполняя скучную формальность...

Помню впечатление одного думского заседания, на которое я попал случайно.

Первый раз с думской трибуны раздалось предостерегающее слово Гучкова о Распутине:

– В стране нашей неблагополучно...

Думский зал, до тех пор шумный, затих, и каждое слово,

тихо сказанное, отчетливо было слышно в отдаленных углах. Нависало что-то темное, катастрофическое над мерным ходом русской истории...

Я не стану копаться в той грязи, которая покрыла и министерские палаты, и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык.

Рассказывали, что попытки Распутина попасть в Ставку вызвали угрозу Николая Николаевича повесить его. Так же резко отрицательно относился к нему Алексеев. Этим двум лицам мы обязаны всецело тем обстоятельством, что гибельное влияние Распутина не коснулось старой армии.

Всевозможные варианты по поводу распутинского влияния проникали на фронт, и цензура собирала на эту тему громадный материал даже в солдатских письмах из действующей армии.

Но наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово:

– Измена.

Оно относилось к императрице.

В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера, о поездке которого она, якобы, сообщила немцам, и т. д.

Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление,

которое произвел в армии *слух* об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в на-
строении армии, в отношении ее и к династии, и к револю-
ции.

Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный во-
прос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и
нехотя:

– При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с
подробным обозначением войск всего фронта, которая изго-
товлялась только в двух экземплярах – для меня и для госу-
даря. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало
ли кто мог воспользоваться ею...

Больше ни слова. Переменил разговор...

История выяснит, несомненно, то исключительно отри-
цательное влияние, которое оказывала императрица Алек-
сандра Федоровна на управление русским государством в
период, предшествовавший революции. Что же касается во-
проса об «измене», то этот злосчастный слух не был подтвер-
жден ни одним фактом, и впоследствии был опровергнут
расследованием Специально назначенной Временным пра-
вительством комиссии Муравьева, с участием представите-
лей от Совета р. и с. депутатов.

* * *

Наконец, третий устой – *Отечество*. Увы, затуманенные

громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма.

Теперь незачем уже ломиться в открытую дверь, доказывая это положение. После Брест-Литовского договора, не вызвавшего сокрушительного народного гнева; после инертного отношения русского общества к отторжению окраин, даже русских по духу или крови, мало того — оправдания его; после польско-петлюровского договора и польско-советского мира; после распродажи русских территориальных и материальных ценностей международным политическим ростовщикам...

Нет сомнения, что явление распада русской государственности, известное под именем «самостийности», во многих случаях имело целью только отгородиться временно от того бедлама, который представляет из себя «Советская республика». Но жизнь, к сожалению, не останавливается на практическом осуществлении такого, в своем роде санитарного, кордона, а поражает самую идею государственности. Даже в землях крепких, как, например, казачьи области. Правда — не в толще, а в верхах. Так, в Екатеринодаре в 1920 г. на Верховном круге трех казачьих войск, после горячего спора, из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России...

Или распятую Россию любить не стоит?

Какую же роль в сознании старой армии играл стимул «отечества»? Если верхи русской интеллигенции отдавали себе ясный отчет о *причинах* разгоравшегося мирового пожара – борьбы государств за гегемонию политическую и главным образом экономическую, за свободные пути, проходы, за рынки и колонии, борьбы, в которой России принадлежала роль лишь самозащиты, то средняя русская интеллигенция, в том числе и офицерство, удовлетворялись зачастую только *поводами* – более яркими, доступными и понятными. Войны не хотели, за исключением разве пылкой военной молодежи, жаждавшей подвига; верили, что власть примет все возможные меры к предотвращению столкновения; мало-помалу, однако, приходили к сознанию роковой неизбежности его; *поводы* были чужды какой-либо агрессивности или заинтересованности с нашей стороны, вызывали искреннее сочувствие к слабым, угнетаемым, находились в полном соответствии с традиционной ролью России. Наконец, не мы, а на нас подняли меч... И потому, когда началась война, стих голос и тех, в которых таился страх, что уровень культуры и экономического состояния нашей страны не даст ей победы в борьбе с сильным и культурным противником. Войну приняли с большим подъемом, местами с энтузиазмом.

Офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о «целях войны». Война началась. Поражение принесло бы непомерные бедствия нашему отечеству во всех об-

ластях его жизни. Поражение повело бы к территориальным потерям, политическому упадку и экономическому рабству страны. Необходима победа. Все прочие вопросы уходили на задний план, могли быть спорными, перерешаться и видоизменяться. Это упрощенное, но полное глубокого жизненного смысла и национального самосознания отношение к войне не было понято левым крылом русской общественности и привело ее в Циммервальд и Киенталь. Неудивительно поэтому, что когда у анонимных и русских вождей революционной демократии перед сознательным разрушением ими армии в феврале 1917 года предстала дилемма:

– Спасение страны или революции?..

Они избрали последнее.

Еще менее идея национальной самозащиты была понята темным народом. Народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлеченных национальных догматов. «Вооруженный народ», каким была, по существу, армия, воодушевлялся победой, падал духом при поражении; плохо уяснял себе необходимость перехода Карпат, несколько больше – борьбу на Стыри и Припяти, но все же утешал себя надеждой:

– Мы Тамбовские, до нас немец не дойдет...

Мне приходится повторить эту довольно избитую фразу, ибо в ней глубокая психология русского человека.

Сообразно с таким преобладанием материальных ценно-

стей в мировоззрении «вооруженного народа», в его сознание легче проникали упрощенные, реальные доводы за необходимость упорства в борьбе и достижения победы, за недопустимость поражения: чужая немецкая власть, разорение страны и хозяйств, тягость предстоящих в случае поражения податей и налогов, обесценение хлеба, проходящего через чужие проливы и т. д. Кроме того, было все же некоторое доверие к власти, что она делает то, что нужно. Тем более, что ближайшие представители этой власти – офицеры – шли рядом, даже впереди, и умирали так же безотказно и безропотно, по велению свыше или по внутреннему убеждению.

И солдаты шли мужественно на подвиг и на смерть. Потом, когда это доверие рухнуло, сознание солдатской массы затуманилось окончательно. Формулы «без аннексий и контрибуций», «самоопределение народов» и проч. оказались более абстрактными и непонятными, чем старая отмечаемая, заглохшая, но не вырванная из подсознания идея родины.

И для удержания солдат на фронте с подмостков, осененных красными флагами, слышались вновь и преимущественно знакомые мотивы материального порядка – немецкое рабство, разорение хозяйств, тяжесть налогов и т. д. Раздавались они уже из уст социалистов-оборонцев.

Итак, три начала, на которых покоился фундамент армии, были несколько подорваны.

Указывая на внутренние противоречия и духовные недочеты русской армии, я далек от желания поставить ее ниже

других: они в той или иной степени свойственны *всем народным армиям*, получившим почти милиционный характер, и не мешали ни им, ни нам одерживать победы и продолжать войну. Но выяснение облика армии необходимо для уразумения ее последующих судеб.

Глава II

Состояние старой армии перед революцией

Огромное значение в истории развития русской армии имела японская война.

Горечь поражения, ясное сознание своей ужасной отсталости вызвали большой подъем среди военной молодежи и заставили понемногу или переменить направление, или уйти в сторону элемент устаревший и косный. Невзирая на пассивное противодействие ряда лиц, стоявших во главе военного министерства и генерального штаба – лиц неспособных, или донельзя безразлично и легкомысленно относившихся к интересам армии, работа кипела. В течение десяти лет русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого манчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны.

Но чистка командного состава шла все же слишком медленно. Наша мягкотелость («жаль человека», «надо его устроить»), протекционизм, влияния, наконец, слишком ригористически проводимая линия старшинства – засорили списки командующего генералитета вредным элементом.

Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в

год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала...

Этими обстоятельствами объясняется ошибочность первоначальных назначений: пришлось впоследствии удалить четырех главнокомандующих (из них один, правда временный, оказался с параличом мозга...), нескольких командующих армиями, много командиров корпусов и начальников дивизий.

Генерал Брусилов в первые же дни сосредоточения 8-ой армии (июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира.

Бездарности все же оставались на своих местах, губили и войска и операции. У того же Брусилова генерал Д., последовательно отрешаемый, переменял одну кавалерийскую и три пехотных дивизии, пока, наконец, не успокоился в немецком плену.

И обиднее всего, что вся армия знала несостоятельность многих из этих начальников и изумлялась их назначению...

Неудивительно поэтому, что стратегия за всю кампанию не отличалась ни особенным полетом, ни смелостью. Таковы операции Северо-западного фронта в Восточной Пруссии,⁴ в частности – позорный маневр Рененкампа, таково упорное форсирование Карпат, о которые разбились войска Юго-западного фронта в 1915 году и, наконец, весеннее наступление наше 1916 года.

---

⁴ Вызваны были, впрочем, исключительно желанием Ставки выручить французскую армию из отчаянного положения.

Последний эпизод настолько характерен для высшего командования и настолько серьезен по своим последствиям, что на нем следует остановиться.

Когда армии Юго-западного фронта в мае перешли в наступление, увенчавшееся огромным успехом – разгром нескольких австрийских армий, когда после взятия Луцка моя дивизия большими переходами шла к Владимир-Волынский, – я, да и все мы, считали, что в нашем маневре – вся идея наступления, что наш фронт наносит главный удар.

Впоследствии оказалось, что нанесение главного удара предназначено было Западному фронту, а армии Брусилова производили лишь демонстрацию. Штаб хорошо сохранил тайну. Там, в направлении на Вильну собраны были большие силы, небывалая еще у нас по количеству артиллерия и технические средства. Несколько месяцев войска готовили плацдармы для наступления. Наконец, все было готово, а успех южных армий, отвлекая внимание и резервы противника, сулил удачу и западным.

И вот, почти накануне предполагавшегося наступления между главнокомандующим Западным фронтом генералом Эвертом и начальником штаба Верховного главнокомандующего, генералом Алексеевым происходит исторический разговор по аппарату, сущность которого заключается приблизительно в следующем:

А. Обстановка требует немедленного решения. Вы готовы к наступлению, уверены в успехе?

Э. В успехе не уверен, позиции противника очень сильны. Нашим войскам придется наступать на те позиции, на которых они терпели раньше неудачи...

А. В таком случае, сделайте немедленно распоряжение о переброске войск на Юго-западный фронт. Я доложу государю.

И операция, так долгожданная, с таким методическим упорством подготовлявшаяся, рухнула. Западные корпуса к нам опоздали. Наше наступление захлебнулось. Началась бессмысленная бойня на болотистых берегах Стохода, где, между прочим, прибывшая гвардия потеряла весь цвет своего состава.

А Восточный германский фронт переживал тогда дни смертельной тревоги: «это было критическое время; мы израсходовали все наши средства и мы хорошо знали, что никто не придет к нам на помощь, если русские пожелают нас атаковать».⁵

Впрочем, и с Брусиловым случился однажды эпизод, мало распространенный и могущий послужить интересным дополнением к общеизвестной характеристике этого генерала – одного из главных деятелей кампании. После блестящей операции 8-ой армии, завершившейся переходом через Карпаты и вторжением в Венгрию, в декабре 1914 года наступил какой-то психологический надрыв в настроении командующего армией, ген. Брусилова: под влиянием частной неуда-

---

⁵ Людендорф. *Mes souvenirs de guerre.*

чи одного из корпусов, он отдал приказ об общем отступлении, и армия быстро покатила назад. Всюду мерещились прорывы, окружения и налеты неприятельской конницы, угрожавшей, якобы, самому штабу армии. Дважды генерал Брусилов снимал свой штаб с необыкновенной поспешностью, носившей характер панического бегства, уходя далеко от войск и теряя с ними всякую связь.

Мы отходили изо дня в день, совершая большие, утомительные марши, в полном недоумении: австрийцы не превосходили нас ни численно, ни морально и не слишком теснили. Каждый день мои стрелки и соседние полки Корнилова переходили в короткие контратаки, брали много пленных и пулеметы.

Генерал-квартирмейстерская часть штаба армии недоумевала еще более. Ежедневные доклады ее о неосновательности отступления сначала оставались Брусиловым без внимания, потом приводили его в гнев. Наконец, генеральный штаб обратился к иному способу воздействия: пригласили друга Брусилова – старика генерала Панчулидзева⁶ и внушили ему, что, если так пойдет дальше, то в армии может возникнуть мысль об измене, и дело окончится очень печально...

Панчулидзева пошел к Брусилову. Между ними произошла потрясающая сцена, в результате которой Брусилова застали в слезах, а Панчулидзева в глубоком обмороке. В тот же день

---

⁶ Начальник санитарной части армии.

был подписан приказ о наступлении, и армия с быстротой и легкостью двинулась вперед, гоня перед собой австрийцев, восстановив стратегическое положение и репутацию своего командующего.

Нужно сказать, что не только войска, но и начальники, получая редко и мало сведений о действиях на фронте, плохо разбирались в общих стратегических комбинациях. Войска же относились к ним критически только тогда, когда явно приходилось расплачиваться своею кровью. Так было в Карпатских горах, на Стоходе, во время второго Перемышля (весна 1917 года) и т. д.

Нет нужды прибавлять, что технические, профессиональные знания командного состава, в силу неправильной системы высших назначений и сильнейшего расслоения офицерского корпуса мобилизациями, не находились на должной высоте.

Наиболее угнетающее влияние на психику войск имело великое галицийское отступление и безрадостный ход войны (без побед) Северного и Западного фронтов, а затем нудное сидение их на опостылевших позициях в течение более года.

* * *

Об офицерском корпусе я уже говорил. Большие и малые недочеты его увеличивались по мере расслоения кадрового состава. Не ожидали такой длительности кампании, и потому

организация армии не берегла надлежаще ни офицерских, ни унтер-офицерских кадров, вливая их в ряды действующих частей все сразу в начале войны.

Я живо помню один разговор в период мобилизации, первоначально имевшей в виду одну Австрию, в квартире В. М. Драгомирова, одного из авторитетных генералов армии. Подали телеграмму: объявление войны Германией... Наступило серьезное молчание... Все сосредоточились, задумались.

– Как вы думаете, сколько времени будет продолжаться война? – спросил кто-то Драгомирова.

– Четыре месяца...

Роты выступали в поход иногда с 5–6 офицерами. Так как неизменно, при всех обстоятельствах кадровое офицерство (потом и большая часть прочих офицеров), в массе своей, служило личным примером доблести, бесстрашия и самоотвержения,⁷ то, естественно, оно было в большинстве перебито. Так же нерасчетливо был использован другой прочный элемент – запасные унтер-офицеры, число которых в первый период войны на должностях простых рядовых достигало иногда до 50 % состава роты.

Отношения между офицерами и солдатами старой армии не везде были построены на здоровых началах. Нельзя отрицать известного отчуждения между ними, вызванного недостаточно внимательным отношением офицерства к духов-

---

⁷ В этом отношении нельзя поставить упрека и большинству старшего командного состава. Личная храбрость, часто безрассудная, явление далеко не редкое.

ным запросам солдатской жизни. Но, по мере постепенного падения кастовых и сословных перегородок, эти отношения заметно улучшались. Война сблизила офицера и солдата еще более, установив во многих, по преимуществу армейских частях, подлинное боевое братство. Здесь необходимо, однако, оговориться: на внешних отношениях лежала печать всеобщей русской некультурности, составлявшей свойство далеко не одних лишь народных масс, а и русской интеллигенции. Оттого, наряду с сердечным попечением, трогательной заботливостью о нуждах солдата, простотой и доступностью офицера, по целым месяцам лежавшего вместе с солдатом в мокрых, грязных окопах, евшего с ним из одного котла, и тихо, без жалоб ложившегося с ним в одну братскую могилу... наряду с этим были нередко грубость, ругня, иногда самодурство и заушения.

Несомненно, такого же рода взаимоотношения существовали и в самой солдатской среде, с тою лишь разницей, что свой брат взводный или фельдфебель бывал и грубее и жестче. Вся эта неприглядная сторона отношений, в связи с нудностью и бестолковостью казарменного режима и мелкими ограничениями внутренним уставом солдатского быта, — давала всегда обильную пищу для подпольных прокламаций, изображавших солдата «жертвой произвола золотопогонников».

Здоровой сущности не замечали: она умышленно затемнялась неприглядной внешностью.

А между тем, все мотивы обвинений, исходящих от начальников солдата, были хорошо известны. Они излагались в наводнивших армию в 1905 году листовках, повторялись заученными фразами на всех митингах, перепечатывались с некоторыми вариантами и в 1917 году. Кажется, кроме пресловутой формулы «без аннексий и контрибуций», солдатская революционная литература не обогатилась ни одним новым понятием. Если бы власть своевременно отнеслась внимательнее к психологии солдатской среды, изъела из уставов все несущественные для сохранения дисциплины ограничения и некоторые смешные или казавшиеся унижительными требования, то потом не пришлось бы отменять их под давлением, не вовремя и в расширенных размерах.

Все эти обстоятельства имели тем большее значение, что закрепление внутренней связи во время войны и без того встречало большие затруднения: с течением времени, неся огромные потери и меняя 10–12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывно человеческая струя, задерживаясь недолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части. Одной из причин сохранения относительной прочности артиллерии и отчасти других специальных родов оружия было то обстоятельство, что в них процент потерь в сравнении с пехотой составлял не более $1/20$ – $1/10$.

Два фактора имели несомненное значение в создании

неблагоприятного настроения в войсках. По крайней мере, впоследствии, во время «словесной кампании» министров и военных начальников, солдатские ораторы очень часто касались этих двух тем: введенное с 1915 года официально дисциплинарное наказание розгами и смертная казнь – «палечникам». Насколько необходимость борьбы с дезертирством путем саморанения⁸ не возбуждала ни малейшего сомнения и требовала лишь более тщательного технического обследования для избежания возможных судебных ошибок, настолько же крайне нежелательным и опасным, независимо от этической стороны вопроса, являлось телесное наказание, применяемое властью начальника. Военные юристы не сумели разрешить иначе этого вопроса. Между тем, судебные уставы не обладают в военное время решительно никакими реальными способами репрессий, кроме смертной казни. Ибо для элемента преступного, праволишения не имеют никакого значения, а всякое наказание, сопряженное с уходом из рядов, является только поощрением. Революционная демократия этого вопроса также не разрешила.

Впрочем, после полной демократизации, после завоевания всех свобод и даже самостоятельности, войсковой круг Донского казачьего войска, весьма демократического состава, ввел в свою армию в 1919 году наказание розгами за ряд во-

---

⁸ «Палечники» – явление нерусское. Наши солдаты выучились этому способу у австрийцев, которые первыми начали практиковать его массами еще летом 1914 года.

инских преступлений.

Такова непонятная психология русского человека!

Значительно сложнее вопрос о взаимоотношениях во флоте. Сословные и кастовые перегородки, замкнутость офицерского корпуса, консерватизм и неподвижность уставных форм быта и взаимоотношений, большая отчужденность от матросской среды – все это не могло не повлиять впоследствии на значительно большую обостренность борьбы этих двух элементов. Кронштадт, Свеаборг, Гельсингфорс, Севастополь, Новороссийск – все эти кровавые этапы несчастного морского офицерства, нещадно избивавшегося, приводят в ужас и содрогание своим бессмысленным жестоким зверством, и, вместе с тем, требуют глубокого и внимательного изучения...

В конечном итоге, все эти обстоятельства создавали не совсем здоровую атмосферу в армии и флоте, и разъединяли, где в большей, где в меньшей степени, два их составных элемента. В этом несомненный грех и русского офицерства, разделяемый им всецело с русской интеллигенцией. Грех, вызвавший противоположение «барина» мужику, офицера – солдату и создавший впоследствии благоприятную почву для работы разрушительных сил.

В стране не было преобладания анархических элементов. В особенности, в армии, которая отражает в себе все недостатки и достоинства народа. Народ – крестьянская и казачья массы – страдал другими пороками: невежеством, инертно-

стью и слабой волей к сопротивлению, к борьбе с порабощением, откуда бы оно ни исходило – от вековой традиционной власти или от внезапно появившихся псевдонимов. Не надо забывать, что наиболее яркий представитель чистого русского анархизма – Махно – недолго мог держаться на юге России своим первоначальным лозунгом: «долой всякую власть, свободное соглашение между собой деревень и городов. Вся земля и все буржуйское добро – ваше»... Дважды разбитый, весной 1920 года он уже сам приступает к организации гражданского управления и произносить слово:

– Порядок.

Правда, лозунг этот не получил реального осуществления, но уже сама потребность в нем знаменательна.

В армии отнюдь не было преобладания анархических элементов. И потребовалось потрясение слегка подгнивших основ, целый ряд ошибок и преступлений новой власти, огромная работа сторонних влияний, чтобы инерция покоя перешла, наконец, в инерцию движения, кровавый призрак которого долго еще будет висеть над несчастной русской землей.

Сторонним разрушительным влияниям в армии не противопоставлялось разумное воспитание. Отчасти, по крайней неподготовленности в политическом отношении офицерского корпуса, отчасти, вследствие инстинктивной боязни старого режима внести в казармы элементы «политики», хотя бы с целью критики противогосударственных учений. Этот страх относился, впрочем, не только к социальным и внут-

ренным проблемам русской жизни, но и к вопросам внешней политики. Так, например, незадолго до войны был издан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам где бы то ни было вести разговор на современную политическую тему (Балканский вопрос, австро-сербская распря и т. д.). Накануне неизбежно предстоявшей отечественной войны, старательно избегали возбуждения здорового патриотизма, разъяснения целей и задач войны, ознакомления со славянским вопросом и вековой борьбой нашей с германизмом.

Признаться, я, как и многие другие, не исполнил приказа и подготавливал соответственно настроение Архангелогородского полка, которым командовал. А в военной печати выступил против приказа с горячей статьей на тему: «Не угашайте духа».

Ибо для меня нет сомнений, что обвитая траурным флером статуя Страсбурга на площади Согласия сыграла огромную роль в воспитании героической армии Франции.

Пропаганда проникала и в старую армию с разных сторон. Нет сомнения, что судорожные потуги быстро сменявшихся правительств Горемыкина, Штюмерера, Трепова – остановить нормальный ход русской жизни – сами по себе давали достаточно материала, возбуждая все больше и больше нараставший народный гнев, переливавшийся и в армию; его использовала социалистическая и пораженческая литература; Ленин нашел первоначальный путь в Россию своему уче-

нию через социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Еще более интенсивно работали немцы. Об этих вопросах говорится подробно в главе XXIII.

Должен, однако, отметить, что вся эта пропаганда извне и изнутри, оказывая воздействие, главным образом, на тыловые части, гарнизоны и запасные батальоны крупных центров и в особенности Петрограда, до революции имела сравнительно небольшое влияние на войсковые части фронта. И сбитые с толку пополнения, придя на фронт и попадая в тяжелую, но более здоровую боевую атмосферу, зачастую быстро меняли к лучшему свой облик.

Тем не менее, местами влияние разрушительной пропаганды находило подготовленную почву, и до революции еще были один-два случая, когда целые части оказали неповиновение, сурово подавленное.

Наконец, перед главной массой армии – крестьянской – вставал один практический вопрос, который *заставлял ее инстинктивно не торопиться с социальной революцией*:

– Без нас поделят землю... Нет, уж когда вернемся, тогда и будем делить!..

* * *

Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фрон-

та. Но особенно тяжело отозвался на армии недостаток техники и, главным образом, боевых припасов.

Только в 1917 году процесс Сухомлинова вскрыл перед русским обществом и армией главные причины, вызвавшие военную катастрофу 1915 года. Еще в 1907 г. был разработан план пополнения запасов нашей армии и отпущены кредиты. Кредиты эти возрастали, как это ни странно, часто по инициативе комиссии государственной обороны, а не военного ведомства. Вообще же ни Государственная Дума, ни министерство финансов никогда не отказывали и не урезывали военных кредитов. В течение управления Сухомлинова, ведомство получило особый кредит в 450 миллионов рублей, и не израсходовало из них 300 миллионов! До войны вопрос о способах усиленного питания армии боевыми припасами, после израсходования запасов мирного времени, даже не подымался... Если действительно напряжение огневого боя с самого начала войны достигло неожиданных и небывалых размеров, опрокинув все теоретические расчеты и нашей, и западноевропейской военной науки, то тем более героические меры нужны были для выхода из трагического положения.

Между тем, уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на 1/10, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-западным фронтом телеграфировал в Ставку: «источники пополнения боевых припасов

иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»...

А в то же время (конец сентября) на вопрос Жофра «достаточно ли снабжена российская императорская армия артиллерийским снаряжением для беспрепятственного продолжения военных действий», военный министр Сухомлинов отвечал: «настоящее положение вещей относительно снаряжения российской армии не внушает серьезного опасения»... Иностранных заказов не делалось; от японских и американских ружей, «для избежания неудобств от разнообразия калибров», отказывались.

Когда в августе 1917 года на скамью подсудимых сел виновник военной катастрофы, личность его произвела только жалкое впечатление. Гораздо серьезнее, болезненнее встал вопрос, как этот легкомысленный, невежественный в военном деле, быть может, сознательно преступный человек мог продержаться у кормила власти 6 лет. Какая среда военной бюрократии – «к добру и злу постыдно равнодушная» – должна была окружать его, чтобы сделать возможным и действия и бездействия, шедшие неуклонно и методично ко вреду государства.

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году.

Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии – отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день кровавые бои, изо дня в

день тяжкие переходы, бесконечная усталость – физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...

Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-ой стрелковой дивизии... Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. Мы почти не отвечали – нечем. Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой – штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы... Два полка почти уничтожены – одним огнем...

Господа французы и англичане! Вы, достигшие невероятных высот техники, вам небезынтересно будет услышать такой нелепый факт из русской действительности:

Когда, после трехдневного молчания нашей единственной шестидюймовой батареи, ей подвезли *пятьдесят снарядов*, об этом сообщено было по телефону немедленно всем полкам, всем ротам, и все стрелки вздохнули с радостью и облегчением...

И какой тогда тяжелой, обидной иронией звучало для нас циркулярное послание Брусилова, в котором он, не имея возможности дать снаряды, с целью подбодрить, «поднять дух войск», убеждал нас не придавать такого исключительно-го значения преобладанию немецкой артиллерии, ибо были неоднократно случаи, что тяжелая артиллерия, выпустив по нашим участкам позиции огромное число снарядов, не на-

носила им почти никаких потерь...

21 марта генерал Янушкевич⁹ сообщил военному министру: «свершился факт очищения Перемышля. Брусиллов ссылается на недостаток патронов – эту „bkte-noire“ вашу и мою... Из всех армий вопль – дайте патронов»...

* * *

Я не склонен идеализировать нашу армию. Много горьких истин мне приходится высказывать о ней. Но когда фарисеи – вожди российской революционной демократии, пытаясь оправдать учиненный главным образом их руками развал армии, уверяют, что она и без того близка была к разложению, – они лгут.

Я не отрицаю крупных недостатков в системе назначений и комплектовании высшего командного состава, ошибок нашей стратегии, тактики и организации, технической отсталости нашей армии, несовершенства офицерского корпуса, невежества солдатской среды, пороков казармы. Знаю размеры дезертирства и уклонения от военной службы, в чем повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ. Но ведь не эти серьезные болезни армейского организма привлекали впоследствии особое внимание революционной демократии. Она не умела и не могла ничего

---

⁹ Начальник штаба Верх. Главнок. вел. кн. Николая Николаевича. В 1918 г. убит большевиками.

сделать для их уврачевания, да и не боролась с ними вовсе. Я, по крайней мере, не знаю ни одной больной стороны армейской жизни, которую она исцелила бы, или, по крайней мере, за которую взялась бы серьезно и практически. Пресловутое «раскрепощение» личности солдата? Отбрасывая все преувеличения, связанные с этим понятием, можно сказать, что самый факт революции внес известную перемену в отношения между офицером и солдатом, и это явление обещало при нормальных условиях, без грубого и злонамеренного вмешательства извне, претвориться в источник большой моральной силы, а не в зияющую пропасть. Но революционная демократия в эту именно рану влила яд. Она поражала беспощадно самую сущность военного строя, его вечные, неизменные основы, оставшиеся еще непоколебленными: дисциплину, единоначалие и аполитичность. Это было, и этого не стало. А между тем, падение старой власти как будто открывало новые широчайшие горизонты для оздоровления и поднятия в моральном, командном, техническом отношениях народной русской армии.

Каков народ, такова и армия. И, как бы то ни было, старая русская армия, страдая пороками русского народа, вместе с тем в своей преобладающей массе обладала его достоинствами и прежде всего необычайным долготерпением в перенесении ужасов войны; дралась безропотно почти 3 года; часто шла с голыми руками против убийственной высокой техники врагов, проявляя высокое мужество и самоотвержение;

и своей обильной кровью¹⁰ искупала грехи верховной власти, правительства, народа и свои.

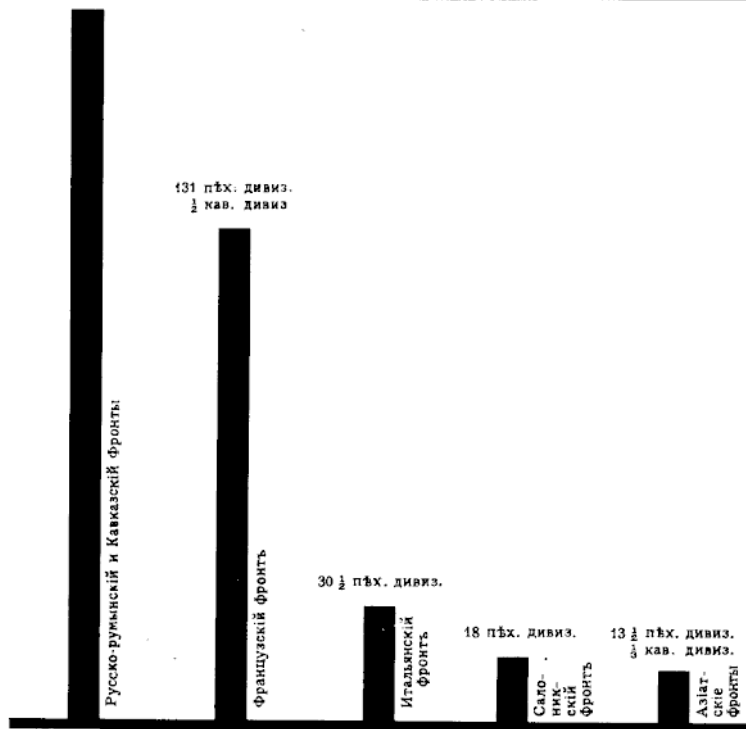
Наши союзники не смеют забывать ни на минуту, что к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т. е., 49 % всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах. Старая русская армия заключала в себе достаточно еще сил, чтобы продолжать войну и одержать победу.

---

¹⁰ Французский депутат Люи Мартэн исчисляет потери армий одними убитыми следующими цифрами (в миллионах): Россия – 2,5, Германия – 2, Австрия – 1,5, Франция – 1,4, Англия – 0,8, Италия – 0,6 миллионов и т. д. На долю России приходится 40 % мартиролога всех союзных армий.

157 пѣх. дивиз.
30 кав. дивиз.

Всего 350 пѣх. дивиз., 31 кав. дивиз.

Диаграмма распределения сил противника на всех фронтах к половине января 1917 г.

Глава III

Старая армия и государь

В августе 1915 года государь, под влиянием кругов императрицы и Распутина, решил принять на себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись с одной стороны трудность совмещения работы управления и командования, с другой – риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудач и отступления. Но истинной побудительной причиной этих представлений был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного главнокомандующего осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной Думой и страной, поведет к разложению армии.

Ходила, между прочим, молва, впоследствии оправдавшаяся, что решение государя вызвано отчасти и боязнью кругов императрицы перед все более возраставшей, невзирая на неудачи армии, популярностью великого князя Николая Николаевича...

23 августа армии и флоту был отдан приказ, в котором

после официального текста государь собственноручно написал:

С твердою верою в милость
Божию и с непоколебимою уверенностью
в конечной победе будем исполнять
наш святой долг защиты Родины
до конца и не посрамим земли
Русской.

Николай

(Факсимиле письма Романова)

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай.

Этот значительный по существу акт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавало себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал

более вопрос:

– Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство.

Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления, для нее царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что царь несчастлив...

Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев. На фоне русской военной истории и русской смуты фигура генерала Алексеева занимает такое большое место, что нельзя в кратких словах очертить его значение. Для этого необходимо специальное историческое исследование жизненного пути человека, вызвавшего различное отношение – и положительное, и отрицательное – к своей военной и политической деятельности, но никогда не давшего повода сомневаться в том, что «крестный путь его озарен кристаллической честностью и горячей любовью к Родине – и великой, и растоптанной»...¹¹

Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе о независимости Ставки от сторонних влияний Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам старого режима.

---

¹¹ Слова из приказа по Добровольческой армии.

Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексеева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине.

Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он не прав в своих отношениях к Распутину, что «старец – чудный и святой человек», что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье...

Алексеев сухо ответил, что для него это вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

– Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым.

Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношений к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия.

Государь никого не любил, разве только сына. В этом был трагизм его жизни – человека и правителя.

Несколько раз, когда Михаил Васильевич, удрученный нараставшим народным неудовольствием против режима и трона, пытался выйти из рамок военного доклада и пред-

ставить царю истинное освещение событий, когда касался вопроса о Распутине и об ответственном министерстве, он встречал хорошо знакомый многим непроницаемый взгляд и сухой ответ.

– Я это знаю.

Больше ни слова.

Но в вопросах управления армией государь всецело доверялся Алексееву, выслушивая долгие, слишком, быть может, обстоятельные доклады его. Выслушивал терпеливо и внимательно, хотя, по-видимому, эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных – о назначениях приближенных, о создании им должностей и т. п.

Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта – записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 г. под председательством государя из всех главнокомандующих и высших чинов Ставки, для обсуждения плана кампании 1917 года и общего наступления.

Подробная запись каждой произнесенной фразы создавала впечатление о властности и руководящей роли временного заместителя начальника штаба – генерала Гурко, о несколько эгоистических устремлениях главнокомандующих, пригонявших стратегические аксиомы к специальным интересам своего фронта и, наконец... о полном безучастии

Верховного главнокомандующего.

Такие же взаимоотношения между государем и начальником штаба существовали во время исполнения последней должности генералом Гурко. Алексеев осенью 1916 г. тяжело заболел и лечился в Севастополе, не прекращая, однако, связи со Ставкой, с которой он сносился по прямому проводу.

* * *

Между тем, борьба Государственной Думы (прогрессивного блока) с правительством, находившая несомненно сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все более резкие формы. Запрещенный для печати отчет о заседании 1-го ноября 1916-го г.,¹² с историческими речами Шульгина, Милюкова и др. в рукописном виде распространен был повсеместно в армии. Настроение настолько созрело, что подобные рукописи не таились уже под спудом, а читались и резко обсуждались в офицерских собраниях.

– Я был крайне поражен, – говорил мне один видный социалист и деятель городского союза, побывав впервые в армии в 1916 г. – с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи. Это в нашей стране – «слова и дела»!.. Вначале мне

---

¹² Появился в газетах в урезанном виде только в начале января 1917 года.

казалось, что меня просто провоцируют...

Связь Думы с офицерством существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А. И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому к кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии (Поливановская комиссия). Там не было ни малейшего стремления к «потрясению основ», а лишь желание подтолкнуть тяжелый бюрократический воз, дать импульс работе и инициативу инертным военным управлениям.

По словам Гучкова, кружок работал совершенно открыто, и военное ведомство первое время снабжало его даже материалами. Но затем отношение Сухомлинова круто изменилось, кружок был взят под подозрение, пошли разговоры о «младотурках»...

Как бы то ни было, осведомленность комиссии государственной обороны была очень большая. Генерал Лукомский, бывший начальником мобилизационного отдела, потом помощником военного министра, рассказывал мне, как серьезно надо было готовиться к докладам и какое жалкое впечатление производил во время своих редких выступлений легкомысленный и несведущий министр Сухомлинов, терзае-

мый со всех сторон членами комиссии...

Во время процесса сам Сухомлинов рассказал эпизод, как однажды он явился в заседание комиссии, в которой рассматривались два больших военных вопроса и как его оставил Родзянко:

– Уходите, уходите... Вы для нас красное сукно: как только вы приезжаете, дела ваши проваливаются.

После галицийского отступления Государственной Думе удалось, наконец, добиться постоянного участия своих членов в деле правильной постановки военных заказов, а земским и городским союзам – образования «главного комитета по снабжению армий».

Кровавый опыт привел, наконец, к простой идее мобилизации русской промышленности. И дело, вырвавшееся из мертвящей обстановки военных канцелярий, пошло широким ходом. По официальным данным на армию посылалось в июле 1915 г. по 33 парка вместо затребованных 50-ти, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов – 78. Я по непосредственному опыту, а не только по цифрам имею полное основание утверждать, что уже к концу 1916 г. армия наша, не достигнув, конечно, тех высоких норм, которые практиковались в армиях союзников, обладала все же вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать планомерную и широкую операцию на всем своем фронте.

Это обстоятельство также было учтено надлежаще в вой-

сках, укрепляя доверие к Государственной Думе и общественным организациям.

Но в области внутренней политики положение не улучшалось. И к началу 1917 г. крайне напряженная атмосфера политической борьбы выдвинула новое средство:

– Переворот!

* * *

В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению «итак не слишком прочно держится», и просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ про-

тивноположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее, некоторые обстоятельства стали известны.

Целый ряд лиц обращались к государю с предостережением о грозившей опасности стране и династии, в том числе Алексеев, Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, великие князья Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица.

После приезда в армию, осенью 1916 года, председателем Государственной Думы Родзянко, у нас распространилось письмо его к государю; оно предостерегало царя о той огромной опасности, которая угрожает трону и династии, благодаря губительному участию в управлении государством Александры Феодоровны.

Одно из подобных «вмешательств» Родзянки вызвало высочайший выговор, переданный письменно председателю Государственной Думы по приказанию государя генералом Алексеевым. Это обстоятельство, между прочим, весьма существенно отразилось на последующих отношениях этих двух государственных деятелей.

Великий князь Николай Михайлович в своем письме, прочтенном государю 1 ноября, после указания на недопустимость сделавшегося известным «всем слоям общества»

порядка назначений министров при посредстве ужасной среды, окружающей императрицу, говорит:

«...Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных... Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты престола можешь даровать желанную ответственность перед Тобою и законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 г. Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, что Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное *освобождение* от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений... а только ради надежды спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Но никакие представления не действовали. В состав образовавшихся кружков входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось во-

оруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович.

В то же время большая группа прогрессивного блока, земских и городских деятелей, причастная или осведомленная о целях кружка, имела ряд заседаний для выяснения вопроса «какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума».¹³ Тогда же был намечен и первый состав кабинета, причем выбор главы его, после обсуждения кандидатур М. Родзянко и князя Львова, остановился на последнем.

Но судьба распорядилась иначе.

Раньше предполагавшегося переворота началась, по определению Альбера Тома, «самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная русская революция»...

---

¹³ Миллюков. «История 2-ой русской революции».

Глава IV

Революция в Петрограде

С событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов государственного совета в ночь на 28 февраля – положение определялось следующим образом:

«Вследствие полного расстройства транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов, остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением»...

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно велась давно. В ней приняли участие самые разнородные эле-

менты: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно и протопоповское министерство, как говорили, провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы – по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами шли к одной конечной цели...

Вместе с тем, прогрессивный блок и общественные организации, учитывая неизбежность больших событий, начали готовиться к ним, а некоторые круги, идейно или персонально близкие к указанным организациям, как я уже говорил, приступили к подготовке дворцового переворота, как последнего средства предотвратить надвигающуюся революцию.

Тем не менее, восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта¹⁴ видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне переворота никакой связи не имели» и что «восстание под-

---

¹⁴ При посещении его генералом Корниловым.

готовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления».

Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа запрудили улицы, собирались митинги, и ораторы призывали к борьбе против ненавистной власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение приняло грандиозные размеры, и начались кровавые столкновения с полицией, с применением ею пулеметов.

26-го получен был указ об отсрочке сессии Государственной Думы, а 27-го утром в заседании Думы решено было не разъезжаться из Петрограда...

Между тем, в тот же день утром обстановка в корне изменилась, так как на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и саперного гвардейских полков. Именно запасные батальоны, так как настоящие гвардейские полки находились тогда на Юго-западном фронте. Эти батальоны не отличались ни дисциплиной, ни настроением от прочих имперских запасных частей.

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния

и власти.

Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию.

Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся...

Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич: – Да здравствует свобода!

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная Дума, выделив из своей среды «Комитет Государственной Думы»,¹⁵ который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существовании своего назначения:

«Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами

---

¹⁵ М. В. Родзянко. Н. В. Некрасов. А. И. Коновалов. И. И. Дмитриуков. А. Ф. Керенский. В. В. Шульгин. С. И. Шидловский. П. Н. Милуков. М. А. Караулов. В. Н. Львов. В. А. Ржевский. М. С. Чхеидзе, который отказался, предпочитая председательствовать в совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественно-го порядка... Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной Думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским советом рабочих депутатов, который тогда еще не претендовал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение *тогда* к Государственной Думе породило иллюзию «все-народности» Временного правительства, ею созданного.

Поэтому, наряду с частями, смешавшимися с вооруженной толпой и громившими все, что слишком резко напоминало старую власть, наряду с отрядами, оставшимися ей верными и оказавшими сопротивление, к Таврическому дворцу стали подходить войсковые части с командирами и офицерами, с музыкой и знаменами, и по всем правилам старого

ритуала приветствовали новую власть в лице председателя Государственной Думы Родзянко.

Таврический дворец представлял из себя необыкновенную картину: законодатели, сановники, солдаты, рабочие, женщины... Палата, военный бивак, тюрьма, штаб, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасения, жаждавшее руководства и ответа на вставшие вдруг недоуменные вопросы...

Но в тот же день 27 февраля из стен Таврического дворца вышло объявление:

«Граждане! Заседающие в Государственной Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 час. вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату»...

Этот факт имел чрезвычайное и роковое влияние на весь ход последующих событий: 1) создал параллельно Временному правительству орган неофициальной, но, несомненно, более сильной власти Совета рабочих и солдатских депутатов, борьба с которым оказалась не под силу правительству; 2) придал политическому перевороту и буржуазной революции организованные формы и характер революции социаль-

ной, которая была немыслима при современном состоянии страны и не могла пройти без страшных потрясений в период тяжелой внешней войны; 3) установил тесную связь между тяготевшим к большевизму и пораженчеству Советом и армией, что внесло в нее постоянный бродящий фермент, приведший к разложению.

И когда войска стройными рядами, с командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврического дворца, это была лишь показная внешность. Связь между офицерством и солдатами была уже в корне нарушена, дисциплина подорвана, и с тех пор войска петроградского округа до последних своих дней представляли опричнину, тяготевшую своей грубой и темной силой над Временным правительством. Впоследствии все усилия Гучкова, Корнилова и Ставки повлиять на них или вывести на фронт остались тщетными, встречая резкое сопротивление Совета.

Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Члены Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с ген. Потаповым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробились с большим трудом. По свидетельству Потапова, бывшего председателя военной комиссии, ведавшей внешней обороной Петрограда, к 3-му марта полки пришли в полное рас-

стройство. «Только 176 полк сохранял еще порядок и занял Царскосельский вокзал; Балтийский же и Варшавский вокзалы и впередилежащие позиции, в ожидании подходивших с фронта эшелонов, были заняты почти исключительно офицерскими командами. Те же офицеры пробивались навстречу направленным войскам и смело среди них разъясняли происходившие события, чем много содействовали общему успеху и предотвратили кровопролитие».

Фактически к Петрограду подходили, главным образом по собственной инициативе, войсковые части из его окрестностей, вливавшиеся затем в состав гарнизона.

Офицерство несомненно переживало тяжелую драму, став между верностью присяге, недоверием и враждебностью солдат, — и велением целесообразности. Часть офицеров, очень небольшая, оказала вооруженное противодействие восстанию и в большинстве погибла, часть уклонилась от фактического участия в событиях, но большая часть в рядах полков, сохранивших относительный порядок, в лице Государственной Думы искала разрешения вопросов мятущейся совести.

Большое собрание офицеров, находившихся в Петрограде, 1 марта вынесло постановление: «идя рука об руку с народом... признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружная работа в тылу, единогласно постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы впредь до

созыва Учредительного Собрания».

* * *

Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты.

В мои намерения не входит исследование деятельности правительства, приведшей к революции, и борьбы его с народом и представительными учреждениями. Я суммирую лишь те обвинения, которые справедливо предъявлены были ему накануне падения Государственной Думой.

Все государственные, сословные и общественные учреждения – Государственный Совет, Государственная Дума, дворянство, земство, городское самоуправление и объединение – были взяты под подозрение в неблагонадежности, и правительство вело с ними формальную борьбу, парализуя всякую их государственную и общественную работу.

Бесправие и сыск доведены были до небывалой еще степени. Русский независимый суд подчинен был «требовани-

ям политического момента».

В то время, как в союзных странах вся общественность приняла горячее участие в работе на оборону страны, у нас эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумелыми, иногда преступными руками, вызвав фатальные явления сухомлиновщины и протопоповщины. Военно-промышленный комитет, оказавший делу снабжения армии большие услуги, систематически разрушался. Незадолго до революции рабочая группа его была без причины арестована, что едва не вызвало кровавых беспорядков в столице.

Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленников.

Деревня была обездолена. Ряд тяжелых мобилизаций без каких-либо льгот и изъятий, которые предоставлялись другим классам, работавшим на оборону, отняли у нее рабочие руки. А неустойчивость твердых цен, с поправками, внесенными в пользу крупного землевладения – в начале, и затем злоупотребление в системе разверстки хлебной повинности, при отсутствии товарообмена с городом, привели к прекращению подвоза хлеба, голоду в городе и репрессиям в деревне.

Служилый класс, вследствие огромного поднятия цен и необеспеченности, бедствовал и роптал.

Назначения министров поражали своей неожиданностью и казались издевательством. Страна устами Государственной Думы и лучших людей требовала ответственного министерства. Этот минимум политических чаяний русского общества еще утром 27 февраля считался Государственной Думой достаточным, чтобы задержать «последний час, когда решалась судьба Родины и династии»...¹⁶

Общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая пределы своего ведения военная цензура внутренних округов (в том числе Московского и Петроградского) была неуязвимой, скрываясь за военное положение, в котором находились эти округа, и за статьи 93 и 441 положения о полевом управлении войск, в силу которых от командующих и главнокомандующих «никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут требовать отчетов». Общая цензура не уступала в удушении. В одном из заседаний Думы обсуждался такой поразительный факт. Когда в феврале 1917 года, не без участия немецкой руки, начало распространяться по заводам забастовочное движение, члены рабочей группы военно-промышленного комитета составили воззвание:

«Товарищи рабочие Петрограда! Считаем своим долгом обратиться к вам с настоящим предложением немедленно

---

¹⁶ Телеграмма Родзянко Государю.

приступить к работам. Рабочий класс, в сознании своей ответственности переживаемого момента, не должен ослаблять своих сил затягиванием забастовки. Интересы рабочего класса зовут вас к станкам».

Это воззвание, невзирая на обращение Гучкова¹⁷ к министру внутренних дел и к главному цензору, дважды было снято с печатных станков и пропущено не было...

Если в государственной деятельности павшего правительства в области хозяйственно-экономической – подлежит исследованию и выяснению вопрос, что должно быть отнесено за счет деятелей и системы, и что за счет непреодолимых условий потрясенного мировой войной организма страны, то удушение совести, мысли, духа народного и общественной инициативы – не найдет оправдания.

Неудивительно поэтому, что Москва и провинция присоединились почти без борьбы к перевороту. Вне Петрограда, где, за многими исключениями, не было той жути от кровавых столкновений и бесчинства опьянелой толпы, переворот был встречен еще с большим удовлетворением, даже ликованием. И не только революционной демократией, но и просто демократией, буржуазией и служилым элементом. Небывалое оживление, тысячные толпы народа, возбужденные лица, возбужденные речи, радость освобождения от висевшего над всеми тяжелого маразма, светлые надежды на будущее России и, наконец, повисшее в воздухе, воспроизводимое в

---

¹⁷ Председатель комитета.

речи, в начертаниях, в образах, музыке, пении, волнующее – тогда еще не забрызганное пошлостью, грязью и кровью – слово:

– Свобода!

«Эта революция – единственная в своем роде» – писал князь Евгений Трубецкой. – «Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат и войска, и буржуазия, даже дворянство... все вообще живые общественные силы страны... Только бы это объединение сохранилось»...

В этих словах отразились чаяния и тревоги русской интеллигенции, но не печальная русская действительность. И кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, гибель адмирала Непенина и многих офицеров служили первым предостережением для оптимистов...

* * *

Жертвы первых дней революции в столице были невелики: регистрация Всероссийского союза городов определила их для Петрограда общим числом убитых и раненых в 1.443, в том числе воинских чинов 869 (офицеров 60). Конечно, много раненых избегло учета.

Однако, положение Петрограда, выбитого из колеи, на-

сыщенного горючим материалом и вооруженными людьми, долго еще было крайне неопределенным и напряженным.

От членов Государственной Думы и правительства впоследствии я слышал, что весы сильно колебались, и они все время чувствовали себя сидящими на бочке с порохом, который ежеминутно мог вспыхнуть и уничтожить их всех и создаваемое ими государственное здание.

Товарищ председателя Совета р. и с. д., Скобелев говорил журналистам: «должен сознаться, что когда я в начале революции вышел на крыльцо Таврического дворца, чтобы встретить кучку солдат, пришедших первыми в Государственную Думу, и обратился к ним с речью, я был почти убежден, что я говорю одну из своих последних речей, что пройдет несколько дней и я буду расстрелян или повешен».

А несколько офицеров – участников событий уверяли меня, что растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что *один твердый батальон*, во главе с начальником, понимающим чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку.

Как бы то ни было, 2 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства,¹⁸ которое, после длительных переговоров с параллельным органом «демократической власти» – Советом рабочих депутатов, издало декларацию:

---

¹⁸ Князь Львов, Милюков, Гучков, Коновалов, Мануилов, Терещенко, Львов, Шингарев, Годнев, Керенский.

1) «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.